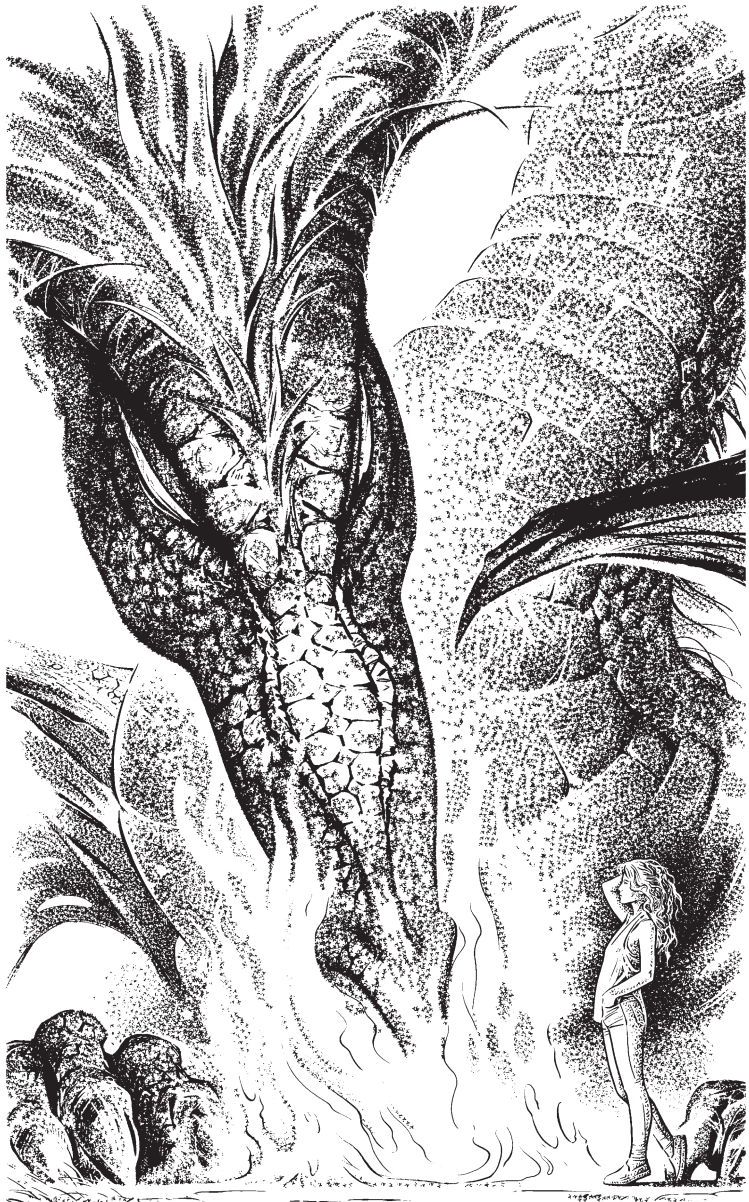

Марина Эльденберт

ПОЮЩАЯ ДЛЯ ДРАКОНА
ПОЮЩАЯ ДЛЯ ДРАКОНА. ПЛАМЯ В ТВОИХ РУКАХ

WALKER O'NEILL
ARTIST
1950

РОМАНТИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Марина Эльденберт

Поющая для дракона.
Пламя в твоих руках

Фэнтези • Любовный роман • Приключения

Роман

 Москва, 2017
ARMA
&
«Издательство АЛЬФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Э53

Серия основана в 2011 году
Выпуск 328

Художник
О. Бабкин

Эльденберт М.

Э53 Поющая для дракона. Пламя в твоих руках: Роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2017. — 312 с.: ил. — (Романтическая фантастика).

ISBN 978-5-9922-2557-0

Наша жизнь у всех на виду: моя — на сцене, его — на вершине власти. Мир иртанов не примет полукровку без имени, Совет не простит правящему неверного выбора. Мои чувства могут стоить мне репутации, его — развязать войну. Но это не объяснить огням, соединившим нас. Он меня не отпустит, а я не готова от него отказаться. Куда заведет нас эта опасная страсть?

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Марина Эльденберт, 2017
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2017

ISBN 978-5-9922-2557-0

ГЛАВА 1

Драконы продолжали поливать границы пустоши огнем. Сейчас уже не способные причинить вреда, усмиренные, в записи они смотрелись не менее устрашающими. Беснующиеся хищники, красивые и смертельно опасные. Страшно представить, что Халлоран был там. Даже на фоне сторожевых башен звери казались огромными, не говоря уже о человеке. Или иртехане. Пусть даже сильнейшем иртехане Мэйстона, за спиной которого вальцгарды — военнообязанные иртеханы, младшие наследники аристократических семей. И все же что-то внутри тонко подрагивало, когда я вспоминала оскаленную морду, тянущуюся ко мне. Тот дракон был спокоен, ярость этих чувствовалась даже с экрана визора спустя часы после состоявшегося прорыва.

Умом я понимала, что, если бы с Рэйнаром что-то случилось, сейчас бы показывали не драконов. Но усидеть на месте от этого было не легче. Хотелось бежать к нему, на другой конец города, в пустоши или в Лаувайс, чтобы быть рядом. От этого чувства в груди становилось горячо, словно угасающие на границе города пожарища нашли продолжение во мне. И все-таки я заставляла себя сидеть и смотреть эту дурацкую передачу, сжимая в руках мобильный.

В студии центрального телеканала под огненно-серебристой эмблемой устроился Вэлис Горальски, известный ученый-драконолог. Ведущий слушал его внимательно, и сдается мне, сейчас это было неотрепетированное шоу. Происходящее волновало всех, кто собрался у экранов визоров, и всех участников экстренного выпуска.

— Сейчас мы можем только гадать, что именно спровоцировало драконов.

— Но какие-то предположения у вас есть?

Чего я ждала? Что Рэйнар позвонит?

Это вряд ли.

У него наверняка столько дел, что выдохнуть некогда. Нужно разобраться в причинах случившегося, выслушать отчеты, а после готовиться к завтрашней пресс-конференции, на которой его будут забрасывать вопросами. Потому что династия Халлоранов — последний оплот. Потому что это случилось, а он правящий.

— В том-то все и дело, что причин может быть множество. — Горальски развел руками. — Агрессия зверя непредсказуема, иначе налетов можно было бы избежать.

— То есть это может быть вызвано чем угодно?

— Именно. Драконы яростно оберегают границы своих владений, свое потомство, своих сородичей. Возможно, им что-то угрожало или они сочли что бы то ни было угрозой.

— Значит ли это, что мы не защищены от таких вспышек в дальнейшем?

— К счастью, нас защищает Лаувайс.

Ученый натянуто улыбнулся. Внимательные серые глаза, в которых играли бликами линзы, казались встревоженными.

— Мы сейчас говорим не о единичном случае? Каковы ваши прогнозы на повторение ситуации и в течение какого времени?

— Боюсь, предугадать это невозможно. Это может случиться за завтра. Или через сотню лет.

— И все же. Более ста лет мы жили спокойно...

— Это не совсем точно, эссерд Рихт. Подобные волнения уже были. Во времена правления Дихарта Халлорана, а после Керрана II, деда местра Халлорана.

— Но в те времена нас не оберегала Лаувайс. Могли ли перебой в защите вызвать этот всплеск?

— Думаю, на этот вопрос никто не ответит лучше местра Халлорана.

Я раздраженно постукивала пультом по колену, с трудом справляясь с желанием выключить визор и что-нибудь разбить. На месте удерживало только осознание, что, если я перестану слушать эту провокационную болтовню, начну метаться, как Марр во время нападения. Сейчас начнут нагнетать — какого, спрашивается? Люди и без того напуганы, но СМИ на то

и СМИ, чтобы выдоить из этой темы все соки до официального заявления.

Не удивлюсь, если завтра их стараниями наиболее впечатлительная часть населения Мэйстона будет сидеть на чемоданах, высчитывая, сколько денег нужно на телепорт для всей семьи. Что самое смешное — никто даже не задумывается, что за все время правления Халлоранов в городе не было налетов, а такие заявления только доводят панику до небывалых высот.

— Леа? — голос Тинни из-за спины. — Можно я к Имери съезжу? С ночевкой?

Отпускать сестру к подруге не хотелось, особенно в тот район, из которого отлично просматриваются пустоши. Но и удерживать не имело смысла: все уже в порядке, драконов отогнали за горы, пожары потушены, а девчонкам есть что обсудить. Тем более что в школе сестра особо ни с кем не дружит. В компании Имери она себя чувствует гораздо лучше, чем с одноклассниками.

— Хорошо, — кивнула. — Только завтра в первой половине дня — домой. Уроки делать.

— Обязательно! Ты лучшая.

Тинни метнулась к лестнице, а я все-таки выключила визор и поднялась. Смотрела на мобильный. Перебирала в уме фразы, с которых можно было начать разговор, но все они казались либо слишком пресными, либо глупыми. В итоге написала простое, ни к чему не обязывающее: «Как ты?» — и отправилась на кухню варить кофе. Обычно меня это успокаивало, но сейчас я то и дело поглядывала в сторону молчащего телефона и думала о том, что услышала и увидела за последние несколько часов.

Получается, волнения все-таки были, просто в школьном курсе истории они не упоминаются.

Знать бы еще, чем они вызваны. Из материалов Рингисхарра я узнала, что у драконов, живущих поблизости, создается единое энергоинформационное поле. Они чувствуют друг друга и могут мысленно посылать зов на расстоянии — отсюда и способности к телепатии у сильных иртханов. То есть теоретически, если один дракон разъярен, у других это тоже может вызвать ярость.

Но Горальски однозначно прав в одном: гадать можно до бесконечности.

Кофемашина с шипением выплюнула в чашку первую струйку, над кухней поплыл резкий горьковатый аромат, и в ту же минуту зазвонил телефон. Это оказалась Лэм, я пыталась дозвониться до нее чуть раньше, но подруга не отвечала.

— Нет, ты представляешь, а? — Она решила обойтись без приветствий. — Я, значит, стою, втираю одному иртыхану масло в его высшую задницу, а тут ему срочный звонок. В жизни не видела, чтобы мужик с такой скоростью одевался. Вылетел за дверь, а вместо него Нийша, наша администратор, вбегает — во-от с такими глазами: ты видела, говорит, что по визору показывают? Щас от нас одни головешки останутся. Ну я и стою — с руками в масле и воспоминаниями об иртыхановой заднице. И думаю — о чем? О том, что у меня драконовы купальники сгорят вместе с сертификатом на бракосочетание. И что я Дрэйка перед уходом сегодня не поцеловала.

За что люблю Лэм, так это за чувство юмора. Подход к жизни у нее такой: либо смейся, либо убейся. Неудивительно, потому что жизнь у подруги была не сахар. Родители разошлись из-за того, что отец выпивал, а первый бойфренд обожал пускать в ход кулаки. Попрекал, что жрет она много, а денег в дом не приносит. К счастью, Лэм нашла в себе силы его послать и выбраться из той задницы. С тех пор философия целебного смеха в ней укоренилась напрочь вместе с легким налетом цинизма. К счастью, Дрэйк немного отогрел ее сердечко.

— Ничего, вечером поцелуешь, — хмыкнула я.

И подумала, что сама безумно хочу поцеловать Халлорана.

Так безумно, что губы горят и кончики пальцев покалывает.

— Я честно думала, что без клиентов останусь. Но пока мы липли к визору, у нас всего три записи отменили. Некоторые даже посмотрели с нами, поахали, обзвонили всех, кого только можно, и по кабинетам разбрелись.

Драконы драконами, а красоту наводить надо.

— Рада, что твой день прошел не зря.

— Уф, да. Деньги мне сейчас очень кстати, эта свадьба жрет их, как голодный дракон. Ну а ты где была, когда это все началось?

Эм.

— Я что-то не то спросила? — уловив паузу, живо поинтересовалась Лэм.

— Нет, я просто...

Зависнуть меня заставила Танни, которая кралась к выходу в... той самой юбке. Заметив мой взгляд, на миг остановилась, а потом помахала рукой.

— Я пошла! — и стартанула к двери прежде, чем я успела слово сказать.

Щелкнул замок.

Мысль о том, что Имери может оказаться Миком, пришла ко мне ну как-то очень не вовремя. Потому что я как раз взяла чашку с подставки, но тут Лэм, терпеливо дожидаящаяся ответа, вдруг завопила:

— Леона, включи визор!

— Я сейчас чуть кофе не облилась, ты в курсе?

— Поставь чашку, иначе точно обольешься. — Подруга перевела дух и выпалила: — Там показывают твоего Халлорана. Он в больнице.

Сердце упало, а вместе с ним чашка, поставленная мимо стойки. Кофе ржавой паутиной растекся между черепков, я споткнулась о Марра, вытянувшегося поперек кухонной арки. Расстояние до дивана преодолела чуть ли не в полете, схватила пульт.

— Какой канал? — выдохнула, зажимая трубку между ухом и плечом.

— Девятнадцатый, «Мэйстон Тим».

Носилки стремительно парили по коридору, изрезанному проемами дверей. Сопровождали их быстро бегущие следом Норгхар, немолодой врач и медсестра. Камера двигалась над ними, управляемая невидимым оператором, но когда попыталась взмыгть выше, начальник службы безопасности неожиданно повернулся. Под таким взглядом глазок только чудом не заледенел и не рассыпался крошкой.

— Уберите отсюда журналистов, — сказал он.

Сказал так, что тряхнуло даже меня.

Последнее, что я успела увидеть, — темные волосы Рэйнара, слипшиеся от крови. Закрытые глаза и бледное лицо. Потом носилки исчезли за дверями лифта, а журналистов оттеснили из холла сотрудники службы безопасности.

— Как я уже говорила, мы находимся перед зданием центральной больницы Мэйстона... — Журналистка говорила бы-

стро, словно боялась, что слова разбегутся раньше, чем она успеет их собрать.

— Охренеть, — голос Лэм.

— ...Пока что отказываются давать комментарии о состоянии мэстра Халлорана, который...

— Он действительно туда сунулся! Я-то думала, что все это для проформы — сейчас покажут, как он гордо выходит из флайса, а потом...

— ...По предварительным сведениям, это произошло, когда основная угроза уже миновала...

Голоса подружки и репортерши сливались в единый фон. Так же как и картинка перед глазами. Бежать туда. Бежать... лететь... Не прерывая связи с Лэм, заказала флайс, и только тут поняла, что меня не пустят в больницу. Меня не пустят к нему, потому что я ему никто. Не мать. Не жена, не сестра. Даже не любовница, хотя сдается мне, толку от последнего было бы мало. Меня вообще не пустят дальше ресепшена, потому что нужен пропуск, а у меня его нет. Я не смогу даже с врачом поговорить.

Так, Леона, соберись. Нужно срочно взять себя в руки.

— Если честно, я всегда считала, что это штучки-дрючки правящих. Ну, перед выборами покрасоваться геройством...

— Лэм, у Дрэйка, кажется, друг работает в нейрохирургии? — крикнула я, на ходу заворачиваясь в куртку и вбивая ноги в сапоги.

— Работает в экстренной. А зачем тебе это на... — Подруга осеклась и добавила внезапно севшим голосом: — Так насчет «твоего» это была глупая шутка, да?

— Мне нужен пропуск, Лэм. Мне очень нужно туда пройти, пожалуйста, — это я говорила, уже захлопнув дверь.

Не знаю, в каком он отделении, соображу по дороге. Если смогу попасть внутрь, будет уже проще. Гораздо проще. Ткнула пальцем в оранжевую стрелку и мысленно выругалась. И это называется скоростной лифт? Да я по лестнице быстрее спущусь.

— Я сейчас наберу Дрэйка, а потом перезвоню тебе.

— Спасибо.

Прислонившись к стене лифта, привычно отсчитывающего этажи, обхватила себя руками. Из зеркала на меня смотрела девица с огромными, расширенными от ужаса глазами. Такая

же бледная, как Халлоран. Неосознанно провела по волосам, понимая, что забыла даже расчесаться. Вылетела из лифта и бросилась к уже припаркованному на стоянке флайсу.

— Центральная больница, быстрее, пожалуйста.

— Какое крыло, эсса? Там куча парковок.

— Давайте к главному входу.

Как назло, пробки были просто драконы, а Лэм все звонила. Я бы сгрызла все ногти, если бы перед выходными не сделала маникюр — сейчас грызть было попросту нечего. Поэтому я только сжимала в ладонях мобильный и кусала губы.

— Что-то серьезное? — участливо спросил водитель.

— Да. Очень.

Очень.

Эта мысль оглушила, выбила из реальности, заставила замереть. Меня трясло — от кончиков пальцев ног до корней волос. Мелко так, противно. Последний раз меня так трясло, когда я летела в больницу к маме. Врач позвонил и сказал, что ей внезапно стало значительно хуже и что можно ждать всего. Та больница была попроще, в то время мы не могли позволить себе дорогую страховку, но страх остался тем же. Был он таким же липким, таким же раздирающим сердце и таким же опасным.

Я тогда бежала по коридору, сжимая в руках пропуск, но не успела.

Несколько минут навсегда оставили неслучившуюся встречу моим самым страшным кошмаром. Так же как лица повернувшихся ко мне Танны и отчима и спокойное, теперь уже навсегда, мамино.

Но что произошло в пустошах? И какого дракона у него столько охраны, если они это допустили?

Водитель сигналил как мог, облетал тащившиеся со скоростью хромых наблов флайсы, но мы все равно еле двигались в общем потоке.

— Это все из-за долбанных драконов, — ругнулся он. — Весь город на ушах стоит. Мне сейчас сестра звонила, говорят, местр Халлоран в той же больнице. Слышали? Охраны там навалом... Хорошо, если на парковку пустят без проверки.

Отвернулась, чтобы не смотреть на бесконечную вереницу транспорта перед нами.

Разумеется, для него сделают все. Разумеется, его вытащат. Просто надо немного потерпеть, и я поговорю с врачом. Или с Норгхаром. Или еще с кем-нибудь, не суть важно. Они скажут, что все будет хорошо. Обязательно скажут. Все ведь будет хорошо, иначе просто быть не может.

Звонок от Лэм раздался в ту минуту, когда мы подлетали.

— Лапонька, пропуск тебя ждет. Спроси на ресепшене.

— Спасибо, — прошептала, сунув водителю карту заранее, чтобы не терять время. — Спасибо вам.

— Не за что. Ты же знаешь, мы всегда.

Знаю, поэтому ни минуты не сомневалась, когда попросила о помощи. На глаза навернулись слезы, но если сейчас позволю их себе, остановиться уже не смогу. Потерла сухие ресницы и бросилась к переливающейся огнями громаде. Бесконечные ряды мест, большая часть из которых пустовала. В такое время посещения разрешены разве что для родственников очень важных персон, но у них своя парковка.

Полукруглое крыльцо с огромной сияющей над ним вывеской, холод сверкающего камня. Пришлось пробиваться через полчища репортеров, уже слетевшихся на горяченькое. Разумеется, у дверей выставили полицейский кордон: меня пропустили, только убедившись, что к журналистам я не имею никакого отношения. Отовсюду доносились голоса, над больницей парили десятки камер, оставшихся за спиной, когда я шагнула в холл.

Здесь было много света, а еще, несмотря на позднее время, много людей. Ослепительный белоснежный кафель и стальные стены сверкали так, что глазам было больно. Светильники, вмонтированные в двухуровневые потолки, ничем не уступали солнцу. Свободная администратор равнодушно поднесла документы к считывающему устройству, а после вручила пропуск посетителя.

— Кабины очистки на каждом этаже справа от лифтов, — сказала будничным тоном. — Не забудьте, иначе в отделение вас не пропустит детектор.

Я кивнула и поспешила к информационному стенду. Выбрала общую схему. Так, экстренное — пятое крыло, с шестидесятого по восемьдесят седьмой этаж. Элитные палаты находятся на трех последних, два этажа прямо под ними — отделение реанимации с восстановительными капсулами. Схема

лабиринтов коридора была мудреной, поэтому я сделала фотографию и бросилась к лифтам. Выбрала нужную секцию, перекинулась взглядами с сосредоточенной медсестрой и перевела дух.

Теперь... теперь мне осталось только понять, куда можно сунуться.

И к кому. Чтобы наверняка.

Потому что второго шанса у меня не будет.

Медсестра вышла, и я осталась одна. Сцепив руки за спиной, сложив пальцы колечками на удачу, пыталась собрать разбегающиеся мысли. К персоналу обращаться бессмысленно, значит, остается только ферн Норгхар. Он единственный, кто может мне сейчас помочь. И единственный, разговор с кем не закончится через две минуты.

Первая вылазка прошла неудачно: помимо дверей в отделение, разветвляющихся переходов, спешащего по ним персонала с планшетами и припозднившихся посетителей я никого не увидела. Никого — то есть постов охраны, которые наверняка будут на этаже, куда после восстановления привезут Рэйнара. С другим этажом повторилась та же история, и только на последнем повезло.

Стоило выйти из лифта, в меня тут же вонзились иглы пристальных взглядов сотрудников службы безопасности. Просторный холл, переходящий в отделение стеклянными раздвижными дверями, сейчас пустовал. Не считая четверых охранников, один из которых сразу же направился ко мне. Я успела только увидеть длинный рукав коридора с матовыми заплатками дверей и прозрачный тоннель, ведущий к другим палатам. Где врач что-то набирала на планшете, указывая коллеге на экран.

— Простите, эсса, но посещения на этом этаже временно запрещены.

— Мне нужно переговорить с ферном Норгхаром.

— По какому вопросу?

Чего-то подобного я ожидала, поэтому сейчас ответила спокойно:

— Этого я вам сказать не могу. Доложите ему, он меня ждет. Это срочно.

Пару мгновений меня достаточно пристально изучали, после чего все-таки изволили спросить:

- Ваше имя?
- Леона Ладэ.

Охранник отошел в сторону и коснулся гарнитуры, не сводя с меня пристального взгляда. Другие замерли изваяниями, а я решила повесить куртку в длинный стенной шкаф. Просто потому, что сил выдерживать это напряжение не осталось.

Высокие потолки, таблетки светильников над головой.

Тишина и гулкое биение сердца.

Казалось, что каждый миг промедления действует на меня как ударная мощь земли на спящий вулкан. Дышать становилось все сложнее, да и оставаться спокойной — тоже. Направилась было к шеренге диванчиков, но передумала. Прогулялась до кабин очистки, выстроившихся справа от лифтов. Снаружи они представляли собой прозрачные короба, в которых очищающие лучи проходились по одежде, так же на входе очищалась обувь. После них посетители допускались в отделение или в переходы через специальные детекторы в дверях.

Если Норгхар сейчас откажется, если мой план не сработает...

— Эсса Ладэ, ферн Норгхар просит вас подождать.

Ответить я не успела, двери лифта распахнулись, выпуская в холл Ирргалию. Короткие мгновения узнавания сменились яростью — перекосило ее знатно. Таким выражением только лед крошить, а сколами вырезать сердца. Миг, и маска безупречности вернулась, иррханесса прошла мимо, словно меня не существовало. Охрана при ее появлении подобралась еще больше — хотя казалось, больше уже некуда. Ирргалия же подошла к мужчине, с которым я только что разговаривала.

— Что здесь делают посторонние?

— Местрель Стоунвилл, эсса Ладэ ожидает ферна Норгхара.

— Пусть ожидает его в другом месте, — холодно заявила рыжая. — Здесь что, зал ожидания?

— Да, — сообщила я и указала на ряды диванчиков.

Подтверждая свои слова, села на ближайший и сложила руки на груди.

— Невероятная наглость. — Ирргалия вскинула тонкие брови и добавила, обращаясь к охраннику: — Проводите эту женщину вниз, пожалуйста. Так, чтобы о ней никто не узнал. И позаботьтесь о том, чтобы она здесь больше не появлялась.

— Но ферн Норгхар...

— Ферн Норгхар, — голосу иртеханессы могла позавидовать самая прочная сталь, — работает на моего будущего мужа. Вам нужны неприятности?

Понимая, что неприятности не нужны никому, я вцепилась в сиденье.

— Если прикоснетесь ко мне, я закричу, — предупредила. — Громко. Я умею.

Подействовало, он даже руки сложил по швам.

— Безумие какое-то. — Ирргалия поправила идеальную прическу.

Впрочем, у нее она всегда была идеальная, будто даже ветер не решался с ней связываться. И я его понимала, фиолетовые глаза посветлели от злости и напоминали драгоценные камушки на свету. Ну ладно, если быть точной, они напоминали утопленные в дюнах глаза пустынного, готового вот-вот изрыгнуть яд на зазевавшуюся жертву.

— Вы что, не можете справиться с одной наглой девицей?

— Одна наглая девица стоит десятка бравых парней, — заметила я. — Если у нее сильный голос, а вы не хотите раздуть из ее появления историю.

Понимая, что силой меня вывести не удастся, иртеханесса сменила тактику. Приблизилась и, отодвинув охранника, точно он был барным стулом, взглянула сверху вниз.

— Давайте договоримся так, эсса... Ладэ. Сейчас вы уходите отсюда без шума, и я забываю о том, что вы здесь устроили.

Этот взгляд я встретила неестественным спокойствием.

— Давайте лучше договоримся так, местрель Стоунвилл. Вы оставите меня в покое, а я не устрою скандал, — не повышая голоса, поднялась и оказалась с ней лицом к лицу. — Я пришла сюда узнать, как себя чувствует местр Халлоран. И я не уйду, пока не узнаю.

После моих слов воцарилась страшная тишина. Опасный штиль перед ураганным ветром. Крылья носа иртеханессы едва дрогнули, а после она стремительно отвернулась. Как раз в тот миг, когда двери разошлись в стороны и в холл шагнул Норгхар.

— Как он? — Сейчас голос Ирргалии звучал иначе: глухо и взволнованно. — Я хочу поговорить с врачом.

— Врач снимает показания с датчиков, он выйдет к вам позже. Местр Халлоран отдыхает после восстановительной капсу-

лы, скоро его погрузят в искусственный сон — до утра. Завтра ему предстоит пресс-конференция, и он должен быть полностью здоров.

Рэйнара уже перевели в палату?

Значит, он в сознании и с ним все хорошо. А завтра будет еще лучше.

С сердца не то что камень свалился, это был настоящий обвал. Стараясь держаться спокойно и отстраненно, обхватила себя руками и шагнула вперед.

— Вы услышали, что хотели? — Голос рыжей сочился ядом. — Что вам еще надо?

— Я смогу его увидеть? — На нее я не смотрела. Только на Норгхара. — Мне хватит двух минут.

— Нет, это уже переходит все границы! — прошипела Ирргалия и дернула плечом в мою сторону. — Ферн Норгхар, примите меры по поводу этой женщины. Вы же прекрасно понимаете, чем это чревато, здесь журналисты на каждом шагу. И проводите меня к Рэйнару. Немедленно.

Начальник службы безопасности не изменился в лице. Он вообще напоминал человекоподобного робота экспериментальной модели, от которых отказались из-за серьезных сбоев в программном обеспечении и потенциальной угрозы владельцам. Не знаю, как насчет роботов, угроза от него была вполне реальной и ощутимой, мурашками бежала по коже, собираясь морозными кольцами у позвоночника. Но я не двигалась, смотрела в сканирующие льдинки, которые достались Норгхару вместо глаз. В упор.

— Вам придется подождать, — произнес он.

Ирргалия смерила его убийственным взглядом, однозначно говорящим о том, что она думает о моем дальнейшем пребывании здесь.

— Вы меня проводите или мне самой искать дорогу? — В королевское превосходство ворвались нотки звящего раздражения.

— Вам придется подождать. — Норгхара заело, как того самого робота? — Местр Халлоран хочет видеть вас, эсса Ладэ.

Я моргнула.

Проследила, как трескается маска Ирргалии под огнем безудержной ярости. Тонкие черты лица исказились, на миг показалось, что она сейчас его ударит. Вместо этого иррханесса

развернулась и направилась к лифтам, а я бросилась к кабине очистки. На ходу стягивая серьги, — с металлом туда нельзя, сунув сумку в руки первому попавшемуся охраннику. Наплевать мне, как это выглядит. В голове билась одна только мысль: «Я увижу его! Я его увижу!»

Дверца с мягким шипением захлопнулась, я надела специальные очки, защищающие глаза. Стекло тут же потемнело, и на нем высветилась панель управления: несколько режимов очистки для разных времен года. Выбрала нужный и запустила систему. Сверху вниз по мне прошелся поток спиралей, похожих на неоновые огни. Ничего особенного не почувствовала, только легкое покалывание в кончиках пальцев, после чего тонкий писк возвестил о завершении операции и дверь поехала вверх.

Норгхар дожидался меня у дверей в отделение.

— У вас пятнадцать минут, — невозмутимо сообщил он. — Потом вас выведут через служебный вход. Большая просьба не покидать палату без сопровождения, во время разговора вас никто не потревожит.

Вместо ответа кивнула. И так понятно, что мое присутствие здесь нежелательно, и вообще его не было.

Больничный коридор напоминал коридор дорогого отеля — широкий, в несколько раз больше тех, что мне доводилось видеть. Кремовые и серебристо-стальные цвета. Под ногами — отполированные до блеска полы. Матовые стекла автоматических дверей, скрывающих отдельные палаты, здесь точно не найдется ни одной сдвоенной, не говоря уже об общих. Мы завернули за угол, и сразу стало понятно, куда определили Рэйнара: вытянувшиеся в струнку парни, как по команде повернувшиеся в нашу сторону. Интересно, где тут логика? Этаж нашпигован охраной, но захоти кто-то до него добраться, лучше указателя не придумаешь. Сообщать о своих соображениях безопаснику я не стала из соображений собственной безопасности.

— Что с ним случилось? — спросила негромко. — Как он пострадал?

— Во время зачистки. После того как большинство драконов отвели в пустоши, всегда проверяют территорию — не остался ли кто-то. Они, несмотря на свои размеры, мастера маскировки.

Вспоминая, как я приняла дракона за излом хребта, даже переспрашивать не стала.

— Четверо вальцгардов, — последнее слово устами Норгхара прозвучало как «кретинов», — пошли по непроверенной территории, игнорируя технику безопасности. Нарвались на драконицу, которая пряталась в опорах ближайшего сторожевого массива. Местр Халлоран уже выложился к тому моменту — ментально и стихийно, но волну огня перехватил. Ребят он спас, но его ударило отдачей во время боя. Если бы не вовремя выставленный щит, все могло быть гораздо хуже. Для всех.

Мы подошли, и Норгхар набрал на электронном замке код.

— Пятнадцать минут, — напомнил он.

Дверь за моей спиной закрылась с мягким щелчком.

Рэйнар стоял, опираясь о раму панорамного окна. В халате, с зачесанными назад волосами, темными — очевидно, после душа. Заметив меня, обернулся и наградил пристальным, привычно жестким взглядом. Подошла, вглядываясь в его лицо, молча. Просто не знала, что сказать. Растерялась. Иногда так бывает, в голове крутятся тысячи слов, которые льются потоком, а потом нужно сказать одно, но даже его подобрать не можешь. Рэйнар выглядел чуть бледнее обычного, но от него по-прежнему веяло уверенностью и силой. А еще — хищной опасностью, отраженной в изгибе губ и холодном прищуре.

Но каким же огнем захлестнуло, когда ир்தхан резко притянул меня к себе и впился поцелуем в губы! Не думая, не понимая, почти не осознавая, где нахожусь, рванулась ему навстречу, отвечая. Подчиняясь властному, сметающему все на своем пути урагану по имени Рэйнар. Волосы под пальцами и правда были влажными. От страсти, смешанной с нежностью, чувственного восторга и какой-то тихой неумемной радости: жив, с ним все в порядке — сердце забилося с удвоенной силой. По венам ударила драконья доза адреналина, словно я стояла на перилах смотровой площадки. В тупляках на умопомрачительной шпильке. На одной ноге.

Как же больно будет падать...

Но как же светло и хорошо сейчас.

Вот так прижиматься к сильной груди, слушать биение сердца. Позволять ему перебирать свои торчащие в разные стороны волосы и думать о всяких глупостях. Например, о

том, что я без макияжа и выгляжу как старшеклассница, у которой родители отобрали косметику.

— Как ты? — повторила глупый вопрос.

— К утру буду как новенький. Как ты сюда прорвалась?

— Это долгая история.

— Говорил же, что ты драконица. — Ир்தхан усмехнулся и добавил: — Моя.

Ладно, сегодня даже спорить не буду.

— Что случилось? — спросила, запрокинув голову. — Почему они напали?

Рэйнар нахмурился и указал в сторону мягких кресел, придвинутых к столику.

Палата была двухкомнатная, со спальней, где уже установили капсулу гибернации, и гостиной, обстановке которой мог позавидовать самый дорогой люкс.

— Подозреваю, что дело в браконьерстве.

— Подозреваешь?

— Спецподразделение вальцгардов не нашло никаких улик. Все сделали очень чисто.

— Тогда почему ты думаешь, что это были браконьеры?

— Потому что я там был. Драконица, которая напала на парней, истекала болью и яростью. Она хотела их сжечь, она хотела сжечь всех нас. Думаю, она лишилась пары. Возможно, детенышей или кладки. Может быть, всего.

— Ты отправил ее к своим?

— К своим, — глухо подтвердил он.

Привычно спокойное лицо Халлорана исказила судорога, словно от боли. А я вдруг поняла, что драконицы больше нет, она не сдалась. Пошла за своими, но не в пустоши. Туда, откуда шаманы древности призывали силу ветра и дождей, гораздо выше, чем может взлететь любой дракон.

Сердце сжалось, я потянулась и взяла Рэйнара за руку.

Он действительно их любит. Любит драконов. По воле судьбы тот, кто считается защитником людей, сейчас больше переживает за тех, от кого призван защищать. По воле дара, наделившего его род силой, ему пришлось сделать выбор, который ударил по нему гораздо сильнее отдачи во время боя.

— Она бы не остановилась, — добавил он зачем-то. — Извонила бы остальных своей утратой.

И тогда я сделала очередную глупость: поднялась, обошла столик и села к нему на колени. Обняла, оплетая руками сильные плечи, прижалась щекой к щеке, тронутой едва проступившей щетиной. В ответ он коснулся моего локтя. Легко, будто молча благодарил.

— Ты поэтому выступаешь за высшую меру?

Халлоран не изменился в лице, только в голосе его зазвучала сталь.

— Это меньшее, чего они заслуживают. Самое мерзкое, когда браконьерствуют иртыханы. Те, кого судьба наделила властью и силой.

— Иртыханы? — Собственный голос показался хриплым и беззвучным.

— Живая драконья кровь усиливает нашу магию. Особенно стихийную, которая напрямую связана с магией драконов.

— Живая?

— Кровь дракона, у которого еще бьется сердце. — Слово «еще» он произнес сквозь зубы. — Главное ее отличие от рэгста в том, что эффект не кратковременный. И в том, что обнаружить такое смешение невозможно. Спасибо эволюции, наша кровь теперь мало отличается от крови драконов.

Если учесть, что первые иртыханы появились именно от вливания себе драконьей крови, все более чем понятно. Выходит, «перенять силу зверя» можно даже не иносказательно.

— Но ведь для этого не обязательно убивать. Достаточно просто отдать ментальный приказ и взять то, что нужно.

— Драконы запоминают энергию. Магические слепки. Образу говоря, браконьеры не оставляют свидетелей. Тех, кто может на них указать своим.

Веками драконы убивали людей, люди убивали драконов. На заре времен из чешуи делали броню или доспехи, из кожи — шкуры, в которых укрывались от холода в пещерах или подземных ходах. Из зубов и нижних чешуек вытачивали украшения, а из гребней оружие. Когда появились иртыханы и создавались первые наземные поселения, охотники пытались очистить гнезда и уничтожали потомство. Но теперь, когда страх быть сожженными заживо стал страшилкой из прошлого, когда в каждом крупном городе есть своя Лаувайс, драконов убивают ради власти и силы.

— Что предпримет Совет?

— Если такой факт всплывает, что за последнюю сотню лет случилось всего один раз, нарушителя судят на закрытом заседании. Его ждет смертная казнь, а семью, которая использовала драконью кровь для увеличения родовой силы, никогда не допустят к правлению.

— Поэтому случился ландсаррский налет? — спросила неожиданно даже для себя самой.

Но Рэйнар, как ни странно, ответил:

— Да. Рогран Ландсарр свихнулся на теме могущества и продолжения правящей династии. Регулярно вливал себе драконью кровь. Думал, что сумеет их удержать, что бы ни случилось.

Халлоран замолчал, но он и так рассказал мне слишком много. Приоткрыл дверь в недостижимый и высокий мир иртеханов, как красивый футляр для фальшивых бриллиантов. Об этом никогда не напишут в газетах или учебниках истории, никогда не заговорят даже на самом скандальном канале Аронгары. О том, как правящий сбежал, оставив залитые огнем улицы и полыхающие за спиной дома на милость судьбы и вальцгардов, многие из которых погибли.

— Но как можно спрятать дракона? Не оставить следов?

— Увести в дальний сектор пустоши, за Драконий круг. Поиски там опасны, особенно после случившегося. Соваться сейчас туда чистой воды самоубийство, на это они и рассчитывали. — Лоб его прочертила глубокая морщина. — Но виновных это не спасет.

Жесткий колючий взгляд. Он предназначался не мне, но по коже все равно прошел мороз.

— Когда мы были в пустошах, — сказала, чтобы перевести тему, — тот дракон на меня не набросился. Потому что не почувствовал угрозы?

И не только тему, свои мысли тоже срочно требовалось перевести в другое русло.

— Это ты мне скажи. Ты же много всего знаешь.

На что это он намекает? На то, что я нарушила наше соглашение, что ли?

Вот же... драконице. С очень хорошей памятью.

Решила не поддаваться на провокацию и как ни в чем не бывало пожала плечами.

— Потому что рядом был ты, и он решил, что с тобой лучше не связываться?

— Почувствовал родственную магию и ее течение. Спокойное, размеренное, мощное.

— Магию, значит. Твою.

— Не только, Леона. Твою тоже.

— Но это же случилось до юбилея.

Халлоран пристально на меня посмотрел.

— Драконы — удивительные звери. Они воины от рождения, поэтому чувствуют силу воина, даже если она скрыта под хрупкой оболочкой. Даже если она пока еще спит.

— На самом деле всем нам крупно повезло, что мы не почувствовали что-нибудь еще. Например, аромат «страх воина».

Иртхан молчал долго. Губы его сомкнулись, как створки раковины ночного моллюска с первыми солнечными лучами.

Но потом он все-таки позволил им разлепиться.

— Ты ужасна.

— Знаю, — охотно согласилась я. — Помни об этом, когда в следующий раз повезешь меня к драконам. Ну, тренироваться там. Или еще что.

Он на миг прикрыл глаза, чтобы удержать рвущийся из груди смех. Не удержал, сначала затряслись плечи, потом сам иртхан, а после из моей груди вырвался сдавленный писк. Спустя миг мы беззвучно хохотали. Доведись нас кому-нибудь увидеть, приняли бы за дергающихся в такт музыке подростков. Это было ненормально и нелепо, но остановиться я не могла.

Отсмеявшись, Рэйнар ссадил меня с колен и поднялся.

— Сброшу тебе номер Приста, — сказал он. — Сейчас его вызвал Норгхар, но в будущем делай это сама.

От неожиданности опешила. Очнулась, когда дернулся мобильный, иртхан все делал очень быстро.

— Рэйнар, у меня нет возможности оплачивать личного водителя.

— У меня есть.

Даже раскрыть рот не успела, мне указали на часы.

— Сейчас сюда явится целый взвод врачей, поэтому поговорим об этом позже. И еще.

Телефон дернулся второй раз.

— Лидс Рольген, безопасник из команды Норгхара. Он днем провожал тебя до дома.

Эм.

— Мне не нужен телохранитель.

— Сейчас, когда я приблизил тебя к себе, более чем.

Приблизил? Мило.

— Ты хоть понимаешь, как это будет выглядеть со стороны?

— Рольген умеет быть незаметным. Ему можно доверять в отличие от уволенного идиота, который упустил тебя на юбилее.

Свою челюсть я подбирала с пола ровно столько, что упустила момент пришествия Норгхара и последнюю возможность сказать, что я не собираюсь таскаться по Мэйстону с личным водителем и охраной.

— Время, — коротко сказала фервернская глыба льда.

— Увидимся на занятиях, эсса Ладэ. Завтра во второй половине дня.

Холодный тон явно указывал на то, что нужно прощаться.

Примерно в том же ключе. Ну и на здоровье.

— Скорейшего выздоровления, местр Халлоран, — постаралась скрыть звучащую в голосе язвительность. — Не стукни-теся головой о крышку капсулы гибернации.

Ладно, фигово у меня получилось.

— Благодарю за заботу.

Обратно меня тоже вел Норгхар. В другую сторону, потом через два перехода, сквозь стеклянные рукава которых был виден усыпанный ночными огнями город и стоянка медицинских флайсов. С такой высоты они казались крошечными блеклыми пятнышками. Почему-то совсем не удивилась, что по дороге нам не попало ни врачей, ни пациентов. Этаж словно вымер, точнее, его «вымерли» по случаю моего появления. Начальник службы безопасности не проронил ни слова, да и мне не особо хотелось разговаривать. Сейчас, когда напряжение схлынуло, накрыло осознанием, как в свое время маленького Марра — диванной подушкой.

Я умудрилась связать себя огнями с иртханом.

Который любит драконов и сходит с ума, когда кто-то причиняет им боль.

С правящим.

Который уволил человека, потому что тот упустил быстро бегающую девицу.

С Рэйнаром Халлораном.

Который считает, что может, а главное, что он будет управлять моей жизнью как ему вздумается.

Ну это мы еще посмотрим!

ГЛАВА 2

Дверной звонок надрывался, превращая квартиру в музыкальную шкатулку, Марр выплясывал рядом. Спросонья никак не могла понять, кого принесло в такую рань. Только покосившись на часы, выяснила, что рань, в общем-то, совсем уже не рань, а за полдень. Не знаю, как спалось местру Халлорану в капсуле гибернации, но мне в кровати гибернации пришлось повернуться. Мыслей о случившемся было немерено, и с ними я справлялась с переменным успехом.

Потирая глаза, вбила ногу в мохнатую тапочку, накинула халат и полезла за второй. Ее не обнаружилось под кроватью, за кроватью и вообще в спальне. Выяснить, куда она делась, времени не было, поэтому я направилась вниз как есть. Звонок на миг затих, а потом разразился новыми переживаниями.

— Иду! — рыкнула я неожиданно бодро.

Зато, распахнув дверь, сонно уставилась на Лэм.

— Слава небесам! Я-то уж думала, что ты в больнице ночевать осталась.

— Ха-ха-ха.

Что и говорить, спалилась я вчера по полной.

Не дожидаясь приглашения, подруга прошла в холл и покосилась на растрепанную меня.

— Ну рассказывай.

Нет, я же не была столь наивна, чтобы полагать, что Лэм это так оставит.

Мне определенно нужна хоть какая-то отсрочка. Пока я придумую, что говорить.

И вообще нельзя со мной так, у меня вчера был ну очень насыщенный день.

— Мне нужно вывести Марра. Давай, я сделаю тебе кофе и...

— Я сама кофе сделаю. Выведем вместе.

Плакала моя отсрочка.

Пока я бегала туда-сюда, собираясь в спешке, Лэм устроилась на кухне и сварила нам кофе. Который разлила по одноразовым стаканчикам и запечатала крышками. Один сунула мне, другой обхватила ладонями, как бывает, когда пытаешься согреть замерзшие руки. Парой минут позже выяснилось, она и впрямь хотела их согреть.

Ночью на Мэйстон обрушились заморозки, и сейчас, не смотря на яркое солнце, изо рта шел пар. Я искренне пожалела, что надела тонкие перчатки. Втянула голову в широкий шарф почти по макушку. Зато проснулась сразу окончательно и бесповоротно, даже не успев притронуться к кофе. Морозный воздух пощипывал щеки, хорошо, хоть ветра не было. Зато Марр чувствовал себя превосходно: вышагивал рядышком, принюхиваясь и поглядывая в сторону парка, куда мы и направлялись.

— У меня для тебя две новости, подруга, — заявила Лэм, потягивая кофе.

— Хорошая и плохая?

— Ну это как посмотреть. Первая — ты попала. Ты хоть понимаешь, насколько ты попала?

Спасибо, утешила. Можно подумать, я вчера родилась и хожу, цепляясь за ошейник Марра. Пожалуй, большего попадания в моей жизни не случилось со времен появления на свет. Но тогда я еще не осознавала, на что подписываюсь, и вообще от меня это мало зависело. Другой вопрос, что делать теперь. Но можно, я не буду думать об этом сейчас? У меня голова не arena для заседания Совета.

Лэм смотрела на меня, я смотрела вперед. Или на стаканчик с кофе.

— Ну и?

— Что — и?

— С тобой мне все понятно. А с ним-то что? Тебе вчера хоть удалось что-нибудь выяснить?

— Я с ним разговаривала.

Настал черед молчания Лэм. Она хлопала глазами, пока наконец не обрела дар речи.

— По телефону.

— Нет. В его палате.

— Охренеть.

Ну да, я примерно так себя и чувствую. Сейчас немного проснусь, и все станет замечательно. А пока побуду немножко охреневшей, мне сегодня можно.

Все-таки отхлебнула кофе, он оказался чересчур крепким, подруга сделала на свой вкус. Понимала, что живой и без подробностей меня не выпустят. Поэтому, дабы не затягивать, рассказала все — начиная с арии Артомеллы и заканчивая последними событиями. Если честно, было немного страшно сознаваться в наличии у себя иртыханской крови, но Лэм слушала внимательно и ни разу не перебила. Любительница вставить словечко, сейчас она молчала, даже когда я брала тайм-аут.

— Сразу почему не сказала? — только и спросила она, когда мы свернули с центральной аллеи на петлявшую хвостом пустынного дорожку.

— Не знаю. Боялась.

— Чего?

— Что ты не поймешь.

— Дурища.

— Ага, — легко согласилась я.

И широко улыбнулась, просыпаясь окончательно. Вот она, сила дружеских поболталок.

Марр потянулся понюхать сумку проходившей мимо девушки, и та с визгом отпрыгнула в кусты с мятыми фантиками листы. Не ожидавший столь бурной реакции виар сиганул в соседние, из-за чего я чуть не выронила кофе и только благодаря крепкой дружеской руке Лэм удержалась на ногах.

Людей в парке сегодня оказалось много, несмотря на погоду. Прозрачный воздух искрился от яркого света, на потемневшей траве поблескивали капельки влаги. Здесь сказывалась близость Гельеры, из-за чего было еще более зябко. Сквозь поредевшие деревья просматривался залив и далекие очертания пустошей. Удивительно резкие, невзирая на разделявшее нас расстояние. Вода отзеркаливала мазки тяжелых облаков с темной каймой, тянущееся вниз ослепительно-яркое небо, в котором змеились ленты аэроэкспрессов и мельтешили флайсы.

— Что насчет второй новости?

— Твой бывший жаждет примирения, — фыркнула Лэм.

Я только головой покачала. Даже когда мы встречались, Вальнар не проявлял такого завидного рвения покорить мое сердце.

— Он достал Дрэйка своей идеей устроить у нас вечерние посиделки, а потом в самый удачный момент оставить вас одних.

Похоже, Вальнар до сих пор не осознал, что все кончено. Что закончилось все в ту минуту, когда он появился с новой подружкой на пороге квартиры Лэм. Было ли это сделано нарочно, поскольку он решил, что я уже достаточно помучилась и можно брать горяченькой, или просто так, для меня больше значения не имело. Равно как и та рыжая девица.

Вот именно, что та.

Хотя по большому счету я не имела ни малейшего права ревновать Халлорана.

Но оно как-то само собой ревновалось.

— И что говорит Дрэйк?

— Говорит, шел бы он пустошью. Пусть сам тебя добывает, а если не может — пусть отваливает.

Обожаю своих друзей.

Мы навернули почетный круг и вышли из парка, трусцой пробежались по улице — изо всех нас только горячий Марр не чувствовал себя окоченевшей сосулькой. Можно было пройти до лифтов, которые поднимут нас сразу к моей квартире, но я уже основательно продрогла и решила, что голос мне дороже. Да и Лэм призналась, что жаждет повторить кофе, желательно с печеньками. Что касается меня, желудок однозначно намекал на то, что его пора покормить как пропустившего завтрак.

В итоге мы нырнули на нижние уровни стоянки, где тепловые завесы создавали пригодные для жизни условия. По пешеходной дорожке направились к лифтам, и тут Лэм дернула меня за рукав.

— Ох ты ж...

Проследила ее взгляд — в сторону рядов временной парковки и чуть было не выдала парочку нецензурных слов.

Вжатая в дверцу ярко-синего спортивного флайса Тинни целовалась с невысоким темноволосым парнем. Взасос.

— А...

Это было единственное, что я успела сказать, потому что подруга запечатала мне рот ладонью. А потом вцепилась в локоть мертвой хваткой и шустро поволокла в заданном направлении. Марр покосился в сторону сестры, приглушенно заурчал, но когда поводок натянулся, все-таки потрусил за нами.

Чтобы вызвать лифт, Лэм пришлось меня отпустить, и я тут же яростно зашипела:

— Ты что творишь?

— Остынь, мамаша. Сейчас домой придем и поговорим.

— Я и здесь с ними неплохо поговорю.

Как раз в этот миг дверцы лифта распахнулись. Лэм выхватила из кармана карамельку и подбросила в кабину.

— Марр, еда!

Внутрь меня внесло. Зубы клацнули в воздухе у самого пола, конфетка даже не успела упасть.

Подруга зашла следом и нажала кнопку моего этажа.

— Ну и чего ты так кипятишься?

— Чего? — спросила я, когда наконец обрела дар речи. — Чего? Там Танни! Лижется с каким-то молокососом!

— Пфф. Ты что, в ее возрасте с мальчиками не целовалась?

— Целовалась! Но это другое.

— Да ну?

Лэм приподняла бровь.

— Она меня обманула. Сказала, что будет ночевать у подруги.

— Но это не значит, что стоит девчонке портить свидание.

Пока я придумывала, что могу сказать Лэм по поводу ее воспитательных советов, чтобы вышло не слишком грубо, мы приехали. Быстро прошли по коридорам — отсюда до квартиры нужно было идти в обход, и остановились у двери.

— Моему папаше было пофиг, с кем я тискаюсь, — хмыкнула Лэм, пока я доставала ключи. — Когда он напивался, кричал, что я такая же ларрка, как и моя мать. Когда они разошлись, она посадила меня за учебники и сказала, что если увидит рядом с каким-нибудь наблом, выдерет, как мне и не снилось. В результате я ни хрена не разобралась в парнях. Мне казалось, чем круче, тем лучше. Поэтому в четырнадцать я переспала с капитаном школьной команды по гратхэнду, и на следующий день об этом узнала вся школа.

Да уж, юность Лэм была гораздо «веселее», чем моя. Первый поцелуй у меня случился в двенадцать лет с одноклассником. Мы целовались под рядами трибун, где собирались зрители во время чемпионатов по гратхэнду, и мне совсем не понравилось. Было мокро и противно во всех смыслах — во-первых, шел дождь, а во-вторых, парень полез ко мне языком, хотя со-

всем этого не умел. Потом мы еще пару раз сходили в кино, на этом моя первая любовь и закончилась. Она научила меня тому, что симпатичные мальчики не всегда умеют целоваться.

— Так что мой тебе совет, лапонька. Остынь, не наезжай на девчонку. И вообще сделай вид, что этого не было.

— Тебе легко говорить, — буркнула я. — И что ты предлагаешь? Забыть, что она непонятно где всю ночь пропадала?

— Выбери удобный момент и дай ей понять, что ты не против их романа. Она ведь не просто так подружкой прикрывает-ся. Как ты в последний раз ее друзей встретила?

Ладно, знакомство с Грэнсом и Карроком у меня не задалось и вообще плохо закончилось. Но этот Мик вроде как должен быть попримечнее.

— Пусть она пригласит его домой. Глядишь, парень тебе понравится.

— А если не понравится?

— Если не понравится, тогда и подумаешь. Главное, не перегнуть палку. Чуток передавишь — так и будет вешать тебе драконью чешую на уши, и ничем хорошим это не кончится.

За этими разговорами мы переместились на кухню вместе с Марром. Разбуженный конфеткой аппетит требовал подкрепиться чем-нибудь посуущественнее, поэтому начались ритуальные пляски около миски.

Если честно, я не знала, как поступить: с одной стороны, желание высказать Танни все и посадить под домашний арест еще на недельку не прошло. С другой, в последнее время она даже ни в какие неприятности не влипала, ходит вся такая мечтательная, из школы мне не звонят, и вообще. Может, этот Мик на нее хорошо влияет?

— Может, ты и права, — призналась я, когда мы уселись за стол.

Малюсенькие сэндвичи исчезали с тарелок быстро, а в кофе я добавила побольше камартового флара — для аромата и сливок.

— Я всегда права, — сообщила Лэм. — Когда не ошибаюсь.

В подтверждение ее слов щелкнул замок, бухнула об пол сброшенная с плеча сумка, и спустя минуту Танни заглянула на кухню. Счастливая. С сияющими глазами и показательно припухшими губами. Мою сестру вообще редко можно застать с улыбкой не язвительно-саркастичной, не скептической — с

высоты максимализма переходного возраста, а вот такой — безоблачно-яркой. Как летнее солнце.

— Леа, привет! Привет, Лэмерти.

— Привет! — Подруга помахала ей рукой. — Присоединяйся.

— Ой, нет. Я к себе. Увидимся.

— Счастливо!

Танни потрепала сытого и довольного Марра по голове и вышла. Дождалась, пока шаги на лестнице стихнут, только после этого пробормотала себе под нос:

— Не могу представить, что она с ним...

— И не представляй. Лапонька, ты с дальней луны свалилась? Танни выросла. Это нормально.

Танни и правда выросла. Только попробуй уложить это в голове, когда у тебя перед глазами безбашенный подросток, который красит волосы в разные цвета, не расстается с леденцами, слушает музыку так, что дребезжит огнеупорное стекло, и постоянно что-то рисует в стареньком графическом планшете. Кстати, хорошая идея для подарка на день рождения — куплю ей новый со всякими наворотами. Всяко лучше стереосистемы, нервирующей соседей.

Танни нравится рисовать так же, как мне нравится пение. Поэтому, когда девчонки увлекались парнями, я ходила на дополнительные занятия по вокалу. В школе у меня был всего один серьезный роман, в старших классах. Возможно, у нас даже могло бы что-то получиться, если бы с мамой не случилось несчастье. Но когда она заболела, мне стало не до романов, а ему — неохота со мной возиться. Это научило меня тому, что рассчитывать можно только на себя. На выпускной бал я не пошла, да и потом особо некогда было с кем-то встречаться.

Какое-то время моя жизнь вообще состояла сплошь из работы. До тех пор, пока на одной вечеринке, куда меня затащили девчонки из вокальной школы, я не познакомилась с Вальнаром. Мы встречались довольно долго, прежде чем это переросло в нечто серьезное. Около трех месяцев — просто свидания, виарчики в животе и переписка перед сном. А потом он стал моим первым мужчиной, и в ту ночь мне казалось, что это навсегда. Наверное, «навсегда» даже могло сложиться, если бы я согласилась с его доводами и ушла из Ландстор-Холла. К счастью, не согласилась и не ушла. Отношения с ним научили меня тому, что с «навсегда» надо быть осторожнее.

— Вернемся к нашим драконам, — решительно заявила Лэм. — Вы поговорили, а что потом?

— Потом он сказал, что приблизил меня к себе. — Я постучала черенком ложечки по столу.

— Прибл... — Лэм чуть кофе не выплюнула.

— Ага. И что теперь я должна передвигаться по Мэйстону только с личным водителем и под охраной.

— Что, прямо так и сказал? — Глаза у подружки стали круглыми, как ее любимое печенье с джемом посередине.

— Прямее некуда.

Пока Лэм приходила в себя, я уничтожила последний сэндвич и всерьез задумалась о ближайшем будущем. В котором мне предстояло наглядно объяснить одному драконищу, что если он правит Мэйстоном, это еще не значит, что он будет управлять мной.

Но для начала надо разобраться с сестрой.

— Так-с, — сказала Лэм. — Судя по взгляду, ты сейчас все равно в комнате Танны, устраиваешь ей взбучку. Драконы летят пустошью.

Не сказать, чтобы совсем. Но перед глазами все равно стоит стильный флайс «Одей», дорогущий, как и все спортивные модели этой марки. И лапающий мою сестренку парень.

— Взбучки не будет, — честно пообещала я.

— Да ну?

Подруга глянула на часы и поднялась.

— Ладно, оставляю вас наедине. Помни заветы старушки Долливан.

Я фыркнула и вскочила следом.

— Спасибо, что приехала, старушка.

— А то. Сэндвичи были вкусные.

Сверкнув ослепительной улыбкой, Лэмерти меня обняла, и мы распрощались.

Танни снова была в наушниках, поэтому даже не заметила, как я вошла. Лежала в обнимку с телефоном, терзая сенсор и болтая босыми ногами. Свободная розовая майка с принтом пронзенного сердца в черной кайме съехала набок, домашние шортики под ней утонули напрочь.

Немного подумав, опустила на кровать, и сестра подскочила. Сдернула наушники, грозно на меня зыркнула.

— Леа!

— Я не смотрела, что ты там пишешь.

— Ага. — Она сунула мобильник под подушку и уселась, скрестив ноги. — Что, Лэмерти уже ушла?

— Только что.

Я смотрела на сестру совсем другими глазами. Она заправила волосы за ухо, то и дело нетерпеливо поглядывая в сторону припрятанного телефона. Изящная прядка падала на выглядывающее из-под майки плечико, округлое, уже утратившее угловатость. Сама прическа — мягкий творческий кавардак не в пример обычным резким контурам дерзких хвостов. Сейчас даже сложно было представить, что эта девчонка со вздернутым носом и ямочкой на подбородке способна приложить парня до сотрясения мозга.

— Что? — нетерпеливо спросила сестра.

— Я знаю, что ты не ночевала у Имери, — сказала я. — Случайно увидела тебя на парковке.

— Вот дерь... — Танни сложила руки на груди, мрачней.

— Давай договоримся, что это было в первый и последний раз.

— Это моя личная жизнь, ясно? Ты не можешь мне запретить с ним встречаться!

Сестра вскочила, из кармана шорт вывалился запечатанный леденец.

Глаза ее сверкнули, она сжала кулаки.

— Ясно. — Разговор с подростком как ходьба по пескам. Никогда не знаешь, откуда пустынный выскочит или когда под ногами раскроется яма. Ловушка, замаскированная песком и колючками. Пустынники умудряются лепить из перекатывающихся шипастых зерен покрывало, чтобы прикрыть ведущую прямиков в их гнезда дыру, а потом колючки заматает песком. Сейчас я чувствовала себя примерно так же. Каждый шаг как по шпилье Лаувайс. — Я и не собиралась.

Готовящаяся до последнего отстаивать свою свободу, сестрица замерла. Хмурое выражение уступило место растерянности, она смотрела на меня так, словно пыталась угадать, в чем подвох.

— Но ты же сказала...

— Я говорила о твоём обмане.

— То есть домашнего ареста не будет?

— Нет, — покачала я головой. — Но я хочу знать, если ты идешь куда-то с Миком.

— О'кей. — Все еще глядя на меня с сомнением, Танни поправила майку.

— Ты пригласила его на день рождения?

— Пригласила, — сестра сунула руки в карманы и нахмурилась, — но у него, скорее всего, не получится, когда мы будем с Имери и остальными. Мик помогает отцу с делами, поэтому он постоянно занят. Вместе мы точно отметим, просто не со всеми.

Вот тебе и золотая молодежь. Многие парни его возраста, получив от родителей флайс и карманные деньги, забывают об их существовании.

— Здорово, — сказала я. — Очень за тебя рада.

И тогда Танни расцвела: недоверие, которое все это время отражалось на ее лице, сменила широкая улыбка. Она полезла за телефоном и провела пальцем по дисплею.

— Помнишь, я тебе говорила, что у них тоже виары есть? Гляди. Это бойцовские породы, ближе всего к диким.

Мик оказался красавчиком. Темные, как смоль ночной Гельеры, волосы, ослепительная улыбка. Под кожаной курткой — белоснежная рубашка, кожаные штаны приспособлены из-за высоких ботинок на шнуровке, одна рука в кармане, другая сжимает поводок. Такие парни всегда душа компании, их везде принимают с распростертыми объятиями.

Чего не скажешь о виарах, которые сидели у его ног. Один из них — бесшерстный, покрытый иссиня-черными чешуйками. Приземистый, с мощными лапами и серебристыми лезвиями когтей. Глаза его были полностью белыми, отчего создавалось жутковатое чувство слияния радужки и белка. Только зрачок, суженный от яркого света, разделял их на две половины. Второй был чуточку более симпатичным — пожалуй, за счет короткой рыжеватой шерсти, стоявшей как шипы иглы. Он скалился на фотографа так, словно был не прочь сожрать его живьем.

Жуть.

Несколько лет назад бойцовские породы вообще хотели запретить — их не брали подчиняющие кристаллы, но потом какой-то ветеринар придумал, как усилить сигнал, и виаров продолжили выводить и совершенствовать. Бойцовскими их называли потому, что при Ландсарре частенько устраивались

бои с крупными ставками. После того как к власти пришел Керран I, жестокие развлечения запретили. Легально, разумеется. Подпольные бои проводились во всяких притонах еще долгое время.

— Ого, — сказала я. — Это ты снимала?

Просто больше ничего в голову не пришло.

— Ага. Они жуткие, но классные.

Телефон зажужжал, Танни уткнулась в сообщение и выпала из реальности. С лица не сходила улыбка — то загадочно-счастливая, то хитрющая, глаза блестели. Я же пыталась убедить себя в том, что у богатых людей много самых разных причуд. Ну и что с того, что они держат бойцовских виаров. Это же не отражает их характер на самом деле.

Или отражает?

— Если захочешь, можешь пригласить Мика к нам, — заметила я, когда Танни вернулась из виртуала.

— Круто. — Танни наклонилась за леденцом, развернула его и сунула в рот. — И еще, Леа... помнишь, я офецала тебе подумать на тему высшего. Ну кем я хофу фыть и все такое...

Я удивленно приподняла брови. Действительно, этот разговор у нас состоялся еще в прошлом году, когда я задумалась, куда же пристроить сестру после школы. Поскольку она так и не определилась, я уже начинала думать, что выбирать придется самой. Чего ну очень не хотелось бы. И вот, пожалуйста.

Танни вытатила леденец и выпалила:

— В общем, я хочу создавать 3D-интерьеры сцен, спецэффекты для шоу и праздничных мероприятий. Это, конечно, дико сложно и дорого, но у меня по голографическому 3D-моделированию высокий балл. К тому же здесь напрямую все завязано на рисовании.

Я только удивленно моргала.

Это действительно очень дорогостоящий факультет, в центральном университете Мэйстона на него конкурс по сотне человек на место. Оно и неудивительно — при должном желании со временем даже можно перебраться в Долину Синема, в Зингсприд. 3D-художники, вручную создающие «живые» голограммы для картин, очень востребованы. Особенно сейчас, когда каждый день выходит какое-нибудь кино, эта индустрия работает на полную.

Словом, это как-то круто, конечно.

Почему бы и нет, но...

— Я подумаю, — сказала осторожно.

Сначала мне нужно заглянуть на счет, потом на сайт университета и только после этого разбрасываться обещаниями.

— Супер! — сообщила Танни, и я поднялась.

Из комнаты сестры выходила, пребывая в легком астрале.

Когда шла к ней, думала только о том, как бы не поругаться, но... Определенно, этот Мик на нее хорошо влияет.

Директриса права, когда мамы не стало, я сама была девчонкой. Но ведь эта девчонка справилась! Переехала в лучший район. Перевела сестру в другую школу, которую та через два года закончит. Танни — выпускница... Это казалось невероятным, но она действительно становится взрослой. Еще чуть-чуть, и из упрямого подростка сестренка превратится в прекрасную девушку. Поклонников у нее с каждым днем будет становиться все больше, и мне надо к этому привыкать.

На этот раз Халлоран меня встречал в костюме цвета асфальта после проливного дождя. Внушительный. Хищный. Пугающий и притягательный. Даже не скажешь, что вчера пережил схватку с драконом и оказался в больнице. Некстати подумалось, что, если на иртыхана надеть мешок и подвязать веревочкой, скрыть правящего все равно не удастся.

— Ты не вызвала Приста и Рольгена. — Поразительно, как ему удавалось сочетать стальную мощь голоса и вкрадчивые хрипловатые нотки, от которых моя драконица пригибалась к земле и начинала дергать кончиком хвоста. Ну и пусть себе дергает, она — не я. Уж точно не на все сто, половинка нечистокровной Леоны сейчас лелеяла коварные планы.

— Решила сделать сюрприз, — невинно отозвалась я. — Заскочила в торговый центр и купила тебе подарок. Хочешь посмотреть?

Такого драконице не ожидал, лицо его слегка вытянулось. А я достала из сумки темно-синий футлярчик и вручила Рэйнару. Сияя, как Лаувайс в закатных лучах.

— Вот.

Лицо драконицы вытянулось сильнее. И еще больше, когда он открыл коробочку.